

Выступления участников НУГ

**в ходе дискуссии по докладу д.ю.н., профессора А.С. Тумановой на тему:
«Власть и общество в России в условиях конституционной реформы»
(Круглый стол «Институционализация прав человека в условиях
модернизации государства и правовой системы России в начале XX века»
XX века» на заседании НИС НУГ 06.12.2014 г.)**

Махмутова М.И., студент 2 курса в своем выступлении остановилась на проблемах правоприменительной практики по реализации свободы союзов и свободы собраний в условиях чрезвычайного законодательства периода Первой мировой войны. Она отметила, что практика правоприменения в Российской империи позднего периода находилось во многом во власти «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Оно продолжало свое действие при помощи ежегодно осуществлявшихся пролонгаций вплоть до падения самодержавия в 1917 году. 28 февраля 1915 г. императором был издан Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату, согласно которому все местности, не состоящие на военном и осадном положении, объявлялись на положении чрезвычайной охраны «с сохранением прав главноначальствующих в отношении этих местностей за подлежащими генерал-губернаторами, губернаторами и градоначальниками».

Об этих местностях писали крайне редко или вовсе не писали. Газета «Право», на протяжении длительного периода времени оставшаяся оплотом ведущих юристов страны, справедливо и без прикрас отражавшая юридическую практику в Российской империи, существенно урезала свой формат по сравнению с предыдущими годами: в том же 1914 г. хронике событий отводилось не более двух страниц, а то и вовсе не отводилось. Более того, отныне эта хроника повествовала не столько об административной практике в отношении обычных людей, сколько о событиях из высших политических и промышленных кругов. К примеру, упоминалось о различных заседаниях («1 августа состоялось заседание комитета совета съездов представителей промышленности и торговли. По предложению министра финансов обсуждался вопрос о моратории в Царстве Польском» 2) на которых принимались решения, касающиеся реформ, преобразований. Так происходило с самого 30 номера, где впервые был опубликован манифест Николая II о начале войны с Германией.

Во многом, хотя и не полностью, данное затишье было связано с волной патриотизма, охватившей страну на начальном этапе войны. Показательным примером было решение киевских адвокатов, желавших «выразить горячее

сочувствие борцам, отражающим натиск агрессивного германизма, ставящего в основание отношений человеческих групп не Евангелие», отчислить в пользу семейств, призванных на войну, половину капиталов кассы и 20% всех новых поступлений.

И в дальнейшем вопросы, касавшиеся каких-либо собраний или союзов, были связаны в основном с войной (оказание помощи больным и раненым, семьям призванных и т.д.). Более того, ни данные 1915 г., ни данные почти всего 1916 г., за исключением введения строжайшей цензуры на информацию, разглашение которой наказывалось, в том числе о стачках и демонстрациях, не подтверждают наличие вообще хоть какого-то общественного движения помимо военно-патриотического. В то же время по примерным данным количество тех же забастовок и их участников в годы войны изменялось так: в 1914 г. — в 3534 выступлениях принимали участие 1 337 458 человек; в 1915 г. — 928 выступлений, 539 528 человек; в 1916 г. — 1410 выступлений, 1 086 364 человек; в 1917 г. — 1938 выступлений, 892 316 человек.

Несмотря на подобное положение дел, газета «Право» в заключении 1916 г. сообщает нечто, что в корне меняет наше представление о роли обществ и союзов и влиянии на них исключительного положения в период Первой мировой войны. Как известно, вплоть до 1917 г. постоянного закона об обществах и союзах так и не было принято. Действовали так называемые Временные правила об обществах и союзах от 04.03.1906. Однако проекты были, причем один из них следует выделить особо. Новый законопроект выдвинул товарищ министра внутренних дел В.А. Бальц. Ключевой его особенностью, вызвавшей чрезвычайное недовольство министерства юстиции, была передача некоторых действовавших полномочий губернаторов и градоначальников чинам судебного ведомства, что бы гарантировать, с точки зрения разработчиков проекта «большую правомерность, в особенности в деле закрытия обществ и союзов». Таким образом, инициаторы данной реформы предприняли попытку преодолеть действие «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» в отношении различных объединений.

В качестве итога необходимо привести еще одну находку из еженедельной газеты «Право». В один из ее выпусков была помещена телеграмма, направленная членами общего собрания адвокатуры Киева председателю Государственной Думы М.В. Родзянко: «Общее собрание присяжных поверенных и их помощников округа киевской палаты в лице вашем приветствует Государственную Думу, выступившую в час тяжкого испытания на защиту чести родины; оно ждет от Думы дальнейшей борьбы за благо отечества. В этой борьбе Дума не останется одинокой. Честные и

свободные голоса, как бы их ни старались заглушать, будут услышаны страной. Общее собрание не сомневается, что упорство Грозного врага будет сломлено тем скорее, чем быстрее и полнее войдут в жизнь народа начала, выраженные в манифесте 17 октября 1905 года. Строительство счастья и мощи государства доступно лишь правительству, действующему в союзе с народным представительством и ответственному перед ним. киевская адвокатура верит, что неизбежен уже и близок день, когда такое правительство будет призвано к власти. Дума вместе с ним положит конец смутному времени на Руси».

М. И. Ермошина, студент 2 курса в ходе дискуссии обратилась к вопросу о реализации свободы слова и печати в годы Первой русской революции. По ее мнению, разделяемом, как известно, большинством исследователей, отправной точкой в развитии открытого общественного конфликта следует назвать Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. Обстановка в государстве приняла совершенно иные черты и признаки. С одной стороны, это выражалось в нежелании царского правительства идти на компромисс с общественностью. С другой стороны, российские подданные не находили в себе сил дальше верить уговорам и терпеть бездействие и безучастие властей к судьбе всего общества. Все попытки, которые предпринимала верховная власть чтобы сгладить возникшие противоречия, были либо неэффективны, либо потеряли актуальность в связи с быстрыми изменениями в обществе. Данная ситуация не могла не отразиться на взаимоотношениях с печатью.

После трагических событий января 1905 г. печать вовсе потеряла прерогативы в освещении ряда злободневных проблем. Подлежали распространению только официальные материалы, остальная печатная продукция была конфискована полицией. Однако пресса не имела права, в отличие от государственных органов, умалчивать о происходивших в государстве событиях. Ответной реакцией журналистов было заявление о том, что газеты «не находят возможным следовать цензурным запретам»¹. Практически все периодические издания стали указывать в начале номера: «Выходит без цензуры». Примечательно, что в числе инициаторов данной «забастовки» были замечены не только радикальные издания «Русь», «Слово»,

* Данное научное исследование выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014 году, грант № 13-05-0010.

This study was supported by The National Research University – Higher School of Economics' Academic Fund Program in 2014, grant No 13-05-0010.

¹ Беспалова А.Г., Корнилов Е.А., Короченский А.П. и др. История мировой журналистики. Москва. – Ростов-на-Дону: Издательский центр «МарТ», 2003. С. 145.

но и умеренные «Санкт-Петербургские ведомости», «Новое время». В своих воспоминаниях С.Ю. Витте отмечал, что практически вся пресса «превратилась в революционную в том или другом направлении, но с тождественным мотивом – «долой подлое или бездарное правительство или бюрократию, или существующий режим, доведший Россию до такого позора»².

Власть была уже не в силах препятствовать развитию печатного слова – теперь это не входило в ее прерогативы. Однако, чтобы воздействовать на освобождение печати от цензурного контроля, 17 октября 1905 г. был издан Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» (далее – Манифест 17 октября 1905 г.). Данный документ провозгласил дарование «незыблемых свобод на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов»³. В общественной среде существовали разные точки зрения на принятый императорский акт. По мнению правоведа Н.А. Захарова, Манифест 17 октября 1905 г. не устанавливал непосредственно новый законодательный порядок⁴. В подтверждение этому профессор теории права Н.И. Палиенко указывал на то, что данный документ лишь иллюстрировал «намерение Верховной власти преобразовать строй России на началах правового государства»⁵. В связи с этим Манифест 17 октября 1905 г. являлся в какой-то степени лишь тактическим маневром царизма в стремлении продлить свое господство и всеобъемлющий контроль над обществом.

Как уже было сказано выше, Манифест 17 октября 1905 г. не представлял собой законодательный акт, содержание которого изменяло бы правовое положение основных институтов, закрепленных в его содержании. Вследствие этого перед государственной властью стояла первоочередная задача в издании соответствующих правовых актов. Так, 24 ноября 1905 г. был принят Именной высочайший указ Правительствующему Сенату «О временных правилах о повременных изданиях»⁶ (далее – Временные правила о повременных изданиях). Указ был призван стать гарантом свободы слова и печати. В нем закреплялась отмена предварительной цензуры для всех повременных

² Витте С.Ю. Воспоминания, мемуары. С. 205.

³ Манифест от 17.10.1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» // Ведомости. 18 октября 1905 г. № 221. С. 1. П. 1.

⁴ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Юридическое исследование. Новочеркасск: Электротип. Ф. Туникова, 1912. С. 120 – 121.

⁵ Палиенко Н.И. Основные законы и форма правления России. Харьков: Тип. «Печатник», 1910. С. 36.

⁶ Именной высочайший указ Правительствующему Сенату от 24.11.1905 г. «О временных правилах о повременных изданиях» // ПСЗ. Собр. 3. Т. 25. № 26963.

периодических изданий, административное воздействие заменялось судебным разбирательством. Главным достижением было установление явочного порядка выхода всех периодических изданий⁷.

Без всякого сомнения, этот указ не мог ни встретить препятствия в процессе своей реализации. После его обнародования Главное управление по делам печати в циркуляре цензурным ведомствам постановило: «Впредь до издания нового закона все законоположения, определяющие деятельность учреждений и лиц цензурного ведомства, остаются в полной силе»⁸. На основании этого мы можем сделать вывод о двойственности проводимых мероприятий по регламентации свободы печати. Так, хотя законодательно и были закреплены коренные изменения в отношении печати, цензурные ведомства продолжали руководствоваться старыми узаконениями и уставами.

После принятия Временных правил о повременной печати был издан Именной высочайший указ Правительствующему Сенату от 18.03.1906 г. «Об изменении и дополнении временных правил о периодической печати»⁹, а также Именной высочайший указ Правительствующему Сенату от 26.04.1906 г. «О временных правилах для неповременной печати» (далее – Временные правила о неповременной печати)¹⁰. Первый из указанных законодательных актов предоставил обширную систему арестов номеров газет и журналов в качестве основной меры борьбы с печатью¹¹. Что касается регламентации положения неперидической печати, то, несмотря на отмену предварительной цензуры, пресса была значительно ограничена в действиях. Каждый номер газеты или журнала вместе с его выпуском из типографии должен был направляться местному учреждению или лицу, заведующему делами печати. При обнаружении признаков преступления уполномоченное должностное лицо могло наложить арест на весь отпечатанный тираж и передать дело на рассмотрение суда. Арест мог быть наложен также на типографские принадлежности, заготовленные для печатания арестованной книги или брошюры¹². Здесь мы можем наблюдать действительное стеснение печатного слова данными формальными процедурами.

⁷ Там же. Ст. I, II, IV.

⁸ Сборник циркуляров начальникам губерний по делам печати. СПб., 1905. С. 210.

⁹ Именной высочайший указ Правительствующему Сенату от 18.03.1906 г. «Об изменении и дополнении временных правил о периодической печати» // ПСЗ. Собр. 3. Т. 26. № 27574.

¹⁰ Именной высочайший указ Правительствующему Сенату от 26.04.1906 г. «О временных правилах для неповременной печати» // ПСЗ. Собр. 3. Т. 25. № 26962.

¹¹ Именной высочайший указ Правительствующему Сенату от 18.03.1906 г. «Об изменении и дополнении временных правил о периодической печати». Ст. 2, 3, 6, 10, 11.

¹² Именной Высочайший указ, данный Сенату от 26.04.1906 г. «О временных правилах для неповременной печати» // ПСЗ. Собр. 3. Т. 25. № 26962. Ст. 1, 3, 4.

В заключение Ермошина М.И. отметила, что отечественная печать в период Первой русской революции прошла достаточно сложный путь. За непродолжительное время пресса пережила, по словам современников, и «медовый месяц свободы» (17 октября – 24 ноября 1905 г.), и усиленный административный гнет со стороны властных органов. Что касается законодательства о печати, то и здесь наблюдалась противоречивость и непоследовательность. Вместо нового полноценного устава о печати были изданы всего лишь Временные правила, которые постоянно дополнялись и изменялись в зависимости от усмотрения властей. Несмотря на то, что была ликвидирована общая предварительная и духовная цензура, число цензурных комитетов постоянно росло. Относительная свобода печати одновременно сосуществовала со старой системой цензурного контроля, применяемой в отдельных случаях в качестве главного оружия против прессы.

Однако за столь непродолжительный период времени отечественная публицистика и периодика достигли многого. Печать позволила себе освещать вопросы государственной политики, выражать мнения и оценки общественности. Пресса вела активную деятельность в защиту свободы слова, дарованную по Манифесту 17 октября 1905 г.

Безрученков М.В., студент 5 курса в своем выступлении обратился к концепции юридического позитивизма Г.Ф. Шершеневича. Как отметил выступающий, Г.Ф. Шершеневич являлся известным в России профессором юриспруденции, оставившим заметный след в отечественной правовой науке. Выходец из польской дворянской семьи, закончив правовой факультет Казанского университета, позже стал профессором Казанского (1888–1906 гг.), Московского (1906–1911 гг.) университетов, а также преподавателем Московского городского народного университета им. А.Я. Шанявского, Московского коммерческого института, Московского общества народных университетов, где был организатором научной работы, разработчиком учебных курсов и дисциплин. Г.Ф. Шершеневич был не только учёным, педагогом, но и политиком. Ещё с 1880-х гг. он участвовал в деятельности общественных объединений и органов местного самоуправления г. Казани. В начале XX в. правовед принимал активное участие в политической жизни России, являлся видным деятелем Казанского отдела кадетской партии и даже избирался от Казани депутатом в I Государственную Думу

В своем определении права Шершеневич выводил его основные черты. Во-первых, право получает выражение в виде правил поведения. Во-вторых, правовые нормы имеют властный характер. В-третьих, правовые нормы подкреплены силой власти.

Право, кроме того, понимается исследователем как совокупность двух составляющих: формального содержания (которое представляет собой результат деятельности государства) и нравственное содержание (которое, в свою очередь, является результатом общественного развития). Объединив эти составляющие право реализует свою основную цель – определение наилучших условий общежития.

В этом отношении особую актуальность представляет выдвинутый самим Г.Ф. Шершеневичем в одном из своих трудов тезисе: «Всякий народ имеет такую власть, которую он заслуживает». Таким образом, исследователь указывает, что как бы не был спорен закон, он будет действовать, поскольку подкреплен принудительной силой государства. В то же самое время, Шершеневич очерчивал границы произвола государства, полагая, что эти рамки зависят от степени готовности населения подчиниться власти и, если та позволит себе слишком резко переступить пределы того, с чем может примириться народное мировоззрение, то она может ожидать недовольства подвластных от глухого ропота до вооруженного восстания.

Вместе с тем, по мнению Г.Ф. Шершеневича, в России для развития того пресловутого чувства законности почва мало благоприятна, поскольку русский человек не участвует в законотворческой деятельности и, соответственно, законодательные нормы ничего не говорят сердцу русского человека.

Набоков А.В., студент 4 курса в своем содокладе охарактеризовал процесс законодательного закрепления в начале XX века права на неприкосновенность личности и выразил мнение о том, что реформа в целом не была завершена, однако, при этом следует воздержаться от категоричных оценок относительно того, кого считать виновным в «провале» реформы, так как в этом есть значительная доля ответственности каждой из сторон законотворческого процесса.

Изначально закрепление права на неприкосновенность личность в Основных государственных законах Российской империи были продиктовано желанием власти пойти на уступки под давлением общества, в том числе наиболее консолидированных его групп и снизить революционный накал, который достиг угрожающего для власти масштаба. Однако по мере развития законотворческого процесса, различные думские партии, прежде всего это Партия народной свободы, так и не смогли найти точки соприкосновения с Советом Министров, а именно пойти на уступки относительно некоторых своих принципиальных позиций. В частности, партия кадетов выступала за то, чтобы принять законопроект о неприкосновенности только в их редакции и

категорически была против редакции, предложенной Министерством внутренних дел.

Так, по мнению кадетов, уступка перед исполнительной властью в этом вопросе способствовала бы дальнейшим нарушениям права на неприкосновенность личности и более того, позволила бы закрепить предложенный Министром внутренних дел порядок на долгие годы. Более того, один из представителей партии кадетов выразил мнение о том, что «нет в этой стране ничего более постоянного, чем временные правила».

Соответственно, разногласия как между самими депутатами, так и между депутатами и представителями исполнительной власти самым негативным образом влияли на ход разработки законопроекта, что, несомненно, было на руку Министерству внутренних дел, которое в дальнейшем уже в Государственной думе третьего созыва смогло перехватить инициативу в этом вопросе и поставить работу комиссии по разработке законопроекта о неприкосновенности личности под свой непосредственный контроль. Однако, несмотря на то, что законопроект был разработан в третьей Думе, дальнейшие события, связанные с началом Первой мировой войны и общим негативным настроением в обществе, послужили причиной окончательной приостановки данной реформы и соответственно, в конечном итоге законопроект так и не был принят Государственной думой Российской империи.

Наумов И.А., студент 4 курса, в своем выступлении подчеркнул, что дать ответ на вопрос, кто виноват в сложившемся недопонимании и конфликте между обществом и властью, а также в создании положения, приведшего к краху Российской империи, сложно. Виноватыми можно представить, как общество, так и государство. Но более важным вопросом является дискуссия о том, что такое общество, сложившееся в Российской империи на рубеже XIX-XX вв.? Состояло ли общество лишь из политически активной интеллигенции, а также лиц, проживавших в крупных городах и получивших как минимум среднее образование. В случае, если мы будем считать обществом лишь указанные выше категории населения, то ответ становится более очевидным. Реальное же положение вещей указывает на то, что обществом необходимо считать всех подданных Российской империи. Среди данных лиц большую часть составляло крестьянство, которое не было грамотным не только с политической точки зрения, но и с самой что ни на есть банальной. Они не имели представления о грамоте и ее использовании. Следовательно, они не могли участвовать в политической жизни страны, что было лишь на руку царскому правительству во главе с самодержцем. Именно

поэтому большая часть населения не допускалась к выборам в Государственную Думу. Кроме того, имелись многочисленные запреты и ограничения для религиозных, социальных или же этнических групп. Так, еврейское население Российской Империи зачастую хаотично ограничивалось в наиболее важных с точки зрения гражданского общества правах. Ограничениям подвергались: право на получение среднего и высшего образования, право занимать должности государственной службы, право выбирать и быть избранными в Государственную думу, а также иные права, которые были не столь связаны с политической жизнью империи. Лишение обширной части населения столь важных прав способствовало озлоблению, которое в итоге поспособствовало активному участию еврейской молодежи в революционных событиях 1917 г. Кроме того, наличие в позднеимперской России как общих ограничений, так и низкого уровня политической культуры населения, привело к тому, что в минуту, когда перед народом стояла необходимость выбора судьбы Учредительного собрания, ответом на это была лишь апатия, которая привела в итоге к низкой явке населения, последовавшему его разгону и краху надежд на истинно демократические преобразования.

Андрощук В.В., преподаватель кафедры теории права и сравнительного правоведения, попытался подвести итог затронутым в представленных докладах вопросам несколькими цитатами. Первая принадлежит известному российскому историку и политическому деятелю С.П. Мельгунову, который приветствовал появление Указа «Об укреплении начал веротерпимости» и отмечал его положительные стороны. Однако совершив ряд поездок по России, С.П. Мельгунов пришёл к выводу о том, что новеллы российского законодательства зачастую игнорировались на местах полицейско-бюрократическими органами. Он писал: «Какие-то тайные пружины по-прежнему заставляют и высшие и низшие административные власти действовать в совсем ином направлении, чем им предписывается по тем правительственным актам, о которых доводится до сведения русского общества».

К схожему выводу пришли и авторы журнала-еженедельника «Darkest Russia», который издавался либеральными кругами российских эмигрантов в Лондоне в начале XX в. Тираж журнала достигал 5.000 экз. и распространялся среди английских парламентариев, писателей, журналистов, которые имели возможность оказать в той или иной степени влияние на общественное мнение о происходивших в России после 1905 г. политических событиях. Журнал также тайно переправлялся и распространялся на территории России. Вот что,

в частности, говорилось в одной из статей журнала: «в России объявление закона и применение его на практике – две вещи разные, и в этом случае, как и во многих других, данное на бумаге в жизни не исполнялось». Местные власти были «всемогущи», а центральная администрация никак не принуждала их к исполнению закона, который оставался «мёртвой буквой».

По окончании выступлений профессором А.А. Сафоновым и профессором А.С. Тумановой были подведены итоги состоявшейся дискуссии и определены возможные направления для дальнейших исследований темы.